

ВИДАНОВ Е. Ю., МУЛЬ И. Л.

г. Омск, Россия

УДК 81'38

DOI 10.26170/pla20-01-02

СМЕХОВЫЕ «ПОСЛЕДСТВИЯ» ОШИБКИ КАК ПЕРЕХОД В ИГРОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. В представленной статье анализируется одна из вариаций современной языковой игры. Объектом научного осмысления становится непреднамеренная языковая ошибка, способная вызвать в сознании адресата многомерные смеховые ассоциации.

Авторы статьи полагают и доказывают, что для подобного рода конструкторов оказывается, с одной стороны, применима теория языковой игры как формы лингвокреативной деятельности. С другой стороны, исследуемый феномен выходит за рамки этой теории и ввиду осложненной интерпретативной деятельности получателя информации вписывается в концепцию непрямо́й коммуникации. Строя исследование на богатом языковом материале, авторы приходят к выводу, что, во-первых, тиражирование подобных контекстов вызвано реалиями массовой культуры, во-вторых, язык в таком случае выступает не только семиотической, но и семантической коммуникативной системой, в которой велика роль интерпретатора, погруженного в смеховой фантазийный мир.

Ключевые слова: языковая игра, ошибка, интерпретация, смеховой потенциал речевой аномалии.

MUL IRINA L., VIDANOV EVGENY YU.

Omsk, Russia

LAUGHTER «CONSEQUENCES» OF ERROR HOW TO GO TO THE GAME REALITY

Abstract. The presented article analyses one of the variations of the modern language game. The object of scientific comprehension is an unintentional language error that can cause multidimensional laughable associations in the mind of the addressee. The authors of the article believe and prove that for such constructs it turns out, on the one hand, that the theory of the language game is applicable as a form of linguo-creative activity. On the other hand, the phenomenon under study is beyond the scope of this theory and, in view of the complicated interpretative activity of the recipient

of information, fits into the concept of indirect communication. Conducting the study on rich linguistic material, the authors conclude that, firstly, the duplication of such contexts is caused by the realities of mass culture, and secondly, the language in this case acts not only as a semiotic, but also as a semantic communicative system, in which the role of the interpreter immersed in a laughable fantasy world.

Keywords: language game, error, interpretation, laughter potential of speech anomaly.

Игра как деятельность, преобразующая повседневность, является одним из ключевых феноменов нашей действительности, продолжая формировать многоаспектное исследовательское поле. Ведущим вектором современной гуманитарной парадигмы остаётся изучение игры как процесса, апеллирующего «к креативному потенциалу личности, проявляющему её способность к нестандартному использованию вербальных знаков» [Гридина 2008: 30].

Как известно, одним из онтологических свойств языковой игры (ЯИ) является присутствие в ней двух **активных** начал: авторского, связанного с порождением языковой шутки, и интерпретирующего, возникающего в процессе восприятия «игремы» (термин Т. А. Гридиной). Признавая наличие в «идеальной» (невитгенштейновской) модели ЯИ указанных партнёрских взаимоотношений, а также обязательное присутствие у говорящего (автора языковой шутки) осознанной установки на отклонение от некоего языкового стандарта в процессе игровой коммуникации [Гридина, Пипко 2012], считаем возможным сконцентрировать своё исследовательское внимание на одной из особых вариаций ЯИ, в которой ведущая роль принадлежит игроку – получателю информации при нулевой позиции игрока – автора сообщения.

Вопрос о наличии такого рода ЯИ в практике живой коммуникации уже рассматривался нами на примере речевых аномалий (ошибок), порождённых инофонами, изучающими русский язык. Одна из групп неосознанных ошибок, допускаемых иностранцами, условно обозначается нами как **«игра в одни ворота»** (игра без игрового посыла), поскольку «их [ошибок] смеховой потенциал раскрывается только на уровне восприни-

мающего субъекта, который, дешифруя высказывание инофона, обнаруживает в тексте неосознанную аномалию, способную вызвать смех у носителей языка» [Виданов, Муль 2019: 36]. Ср., например, ситуацию, в которой иностранным студентам было предложено задание определить, как может называться известная картина В. Серова *«Девочка с ...»*. В ответах содержались следующие номинации: *девочка с игрушками, с ана-насами, с яблоками, с фейхоа, с мандаринами*. Одно из предположений иностранной студентки – *девочка с яйцами* – выбивается из общего ряда номинаций и вызывает смеховую реакцию у носителей русского языка. С чем связана такая реакция? Почему *девочка с яблоками* совсем не веселит по сравнению с *девочкой с яйцами*? Причина очевидна: ассоциативное наполнение второй номинации чрезвычайно мощное и базируется на пресуппозициях лингвокультурологического характера, отражающего мировосприятие русскоговорящего человека: вспомним идиому русского языка *баба / конь с яйцами*, употребляемую для характеристики женщины, чьё поведение и внешность весьма далеки от стереотипных представлений о женском.

Современное языковое бытие даёт нам возможность утверждать, что подобные ошибки, которые, будучи созданными без установки на ЯИ, тем не менее, вызывают смеховую реакцию адресата, присутствуют во всех сферах нашей жизни, становятся предметом метаязыковой рефлексии и «выходят в народ», получая распространение в социальных сетях (см., в частности, жанр «метаязыкового мема» [Гридина, Талашманов 2020]). Подтверждением сказанного является пёстрая палитра контекстов: *«Персонаж вернулся в родные шпинаты»*; *«Трудно переоценить заслуги Кирилла и Мефобия»*; *«Андрей – тот герой, которого так любят и ждут на том конце адресата»*; *«Таким героем является ещё один гражданин хлебосольной России – Клещ»*; *«Как-то вечером днём он зашел в комнату к бабушке, где висели копии отца»*; *«С героем случилось жемавию (вм. дежавю)»*; *«Автор приходит к выводу о том, что женщине необходимо, чтобы в ней всегда был стержень»*; *«Кабаниха всеми чакрами души ненавидела свою невестку»*; *«В произведении Толстого «Преступление на Казани» главный герой Раскольников тихонько постучал в окошко старушки»*; *«Человек отделился от при-*

*роды и вокруг только пласмаса и салофан», «От Чичикова понесла даже птица-тройка» (из школьных сочинений). Примеры из резюме тех, кто ищет работу: «О себе: Любовь, 20 лет, по специальности парикмахер стелись, закончила колледж Подмосковьё»; «Большой опыт в погрузочных и разгрузочных работ, имею опыт грузчика кладовщика мерчиндаезира, жилаю работать с Одыкватным работодателем»; «Продавец-консультант. Опыт: консервирование покупателей и работа за кассой». Тексты, информирующие о товаре (ценники, ярлыки, чеки и пр.): *Апельцын* (вм. апельсин); *Гейфрукт* (вм. грейпфрут); *Бабы* (вм. бобы); *Батон «Молодость с отрубями»*; *Пряники /Псков/ Забава с дыркой вес*; *Мальчик с пальчик в глаз печенье*; *Гель д/душа успокаивающий ДУРУ* и т.д. Тексты объявлений о различного рода услугах: *«Уважаемые жильцы! Бригада промышленных альпинистов будет заделывать швы между наружными панелями Вашего дома. Кто желает заделать свои швы: качественно, недорого и даже с гарантией. Заявки принимаются по телефонам...»*; *«Внимание! В связи с расширением торговой сети требуются продавцы-консультанты. Опыт работы с алкоголем приветствуется...»*; *«Живые раки переехали! Прямо 30 м., потом налево 20 м.»*; *«Распродажа! Натуральная кожа. Женская»*.*

Данные контексты объединены тем свойством, что адресант (автор текста) существует в условиях отнюдь не игровой реальности: он создаёт коммуникативную единицу, которая должна соответствовать требованиям жанра и быть оформленной в соответствии с языковыми канонами. Школьник пишет сочинение, руководствуясь заданием и преследуя вполне серьёзную цель – получить высокую отметку; соискатель вакансии хочет показать себя достойным кандидатом в условиях конкуренции на рынке труда; сотрудник магазина, занимающийся своими прямыми обязанностями и печатающий ценник, также далёк от мысли пошутить с покупателем и т.д. Все говорящие, таким образом, реализуют сугубо утилитарные задачи и далеки от желания нарушить языковые правила в целях насмешить, развлечь, позабавить адресата. Однако последний оказывается вовлеченным в игровую стихию, проявляющуюся на уровне интерпретации воспринимаемого сообщения. Представляется возможным в

данном случае говорить об одной из сторон феномена **непрямой коммуникации**, которая характеризуется «осложненной интерпретативной деятельностью адресата речи..., поскольку итоговый смысл высказывания выводится именно адресатом» [Дементьев 2006: 13].

Вместе с тем при описании подобного речевого явления («*когда ошибка больше, чем ошибка*») считаем оправданным описывать его, используя исследовательский инструментарий операционально-ассоциативной теории ЯИ, фундаментально представленной в работах профессора Т.А. Гридиной [Гридина 1996]. Алгоритм описания (интерпретации) «игремы», возникающей в процессе «идеальной» ЯИ, коррелирует с теми «шагами», которые проделывает интерпретатор как получатель текста, содержащего ту или иную ошибку, обладающую смеховым потенциалом.

Во-первых, адресат воспринимает номинацию, которая создавалась автором в рамках прямой коммуникации, цель которой сообщить информацию о чём-либо без установки на смех со стороны коммуникативного партнёра. Воспринимая сообщение, адресат осознаёт аномальность речевого конструкта на основе соотнесения его с нормативным, стереотипным знаком, представление о котором существует в его [адресата] индивидуальном языковом опыте. Например, *КОНФЕТЫ ВИЗИТ БАБАЕВ* в.м. *Конфеты «Визит» кондитерской фабрики «Бабаевская»*; *Мастурба Дядя Миша* в.м. *Бастурма торговой марки «Дядя Миша»*; *Сринги женские* в.м. *Стринги женские* и под.

Во-вторых, в результате рассогласованности между тем, как должно быть оформлено сообщение, и тем, как оно представлено в реальной коммуникации, в сознании адресата возникает ассоциативное поле, формируемое личностно значимыми смыслами, продуцирующими смеховую реакцию как финальный шаг на пути перехода ошибки в «игрему» и, как следствие, погружение интерпретатора в игровую стихию.

Речевая аномалия *сринги женские*, будучи соотнесенной с языковым прототипом *стринги женские*, вызывает ассоциативную отсылку к сфере телесного низа и физиологическим процессам, связанным с ним. Эта смеховая реакция усиливается и тем, что сам номинируемый предмет – стринги – является весь-

ма пикантным элементом женского белья, несёт в себе флёр изысканности и чувственности, резко диссонирующими с тем процессом, который обозначается просторечным глаголом, выступающим в качестве квазипроизводящей базы номинации *сринги*.

Ср. также пример из школьного сочинения: «У Онегина было тяжело на душе, и он поехал к Татьяне облегчиться». Смеховая реакция на уровне восприятия порождённого учеником текста вызвана спецификой глагола *облегчиться* в русском языке. Так, по данным толковых словарей, лексема *облегчиться* имеет несколько лексических значений, среди которых: 3. Испытать успокоение, облегчение; избавиться от физических и нравственных страданий, гнетущих чувств, мыслей и т.п. *Душа облегчилась. Сердце облегчилось, тоска прошла*. 4. Разг.-сниж. Освободить себе желудок (испражнением, рвотой) [Большой толковый словарь... 1998]. Исходя из имеющихся толкований, следует признать, что ученик не нарушил лексическую норму, используя указанный глагол в тексте сочинения (герою было тяжело на душе, он поехал избавиться от гнетущих чувств). Однако в процессе восприятия адресат испытывает мощную смеховую эмоцию, поскольку на первый план в интерпретационном поле выходит периферийное, разговорно-сниженное значение, связанное с «телесной прозой жизни». Доминирование указанного смысла глагола обеспечивается его ближайшим контекстом, в котором присутствует глагол движения *поехал*. В условиях стандартной коммуникации к таким глаголам движения часто примыкает целевой инфинитив, а грамматический субъект (часто человек) является активным деятелем: *поехал учиться, вышел покурить, прилетел отдохнуть* и т.д. Именно благодаря сочетанию глагола, целевого субъектного инфинитива и указания на активного деятеля (не душа, не сердце облегчились, а Онегин) и возникает ассоциация с тем, что герой приехал к романтической, влюблённой Татьяне справиться свои естественные надобности.

Читая в подъезде объявление, в котором жильцам предлагается «*заделать свои швы*», искушенный в лингвистическом отношении жилец будет неудержимо смеяться, поскольку ощущает и интерпретирует неудачный метонимический перенос, связанный с использованием свёрнутой конструкции *свои швы* вм.

швы между панелями в своей квартире. Интересно, что векторы смеховой интерпретации в данном случае зависят от индивидуального опыта адресата: имеющий послеоперационные швы вспомнит в первую очередь о них, а любительница шить вспомнит о швах на одежде и т.п. Смеховая реакция усиливается также семантической структурой глагола *заделать*, в которой доминируют семы интенсивного действия (ср.: *забить*, *заложить*, *закрыть*), отсылающие к работе с грубым материалом.

Подводя итоги нашим размышлениям, нельзя не заметить, что, во-первых, подобного рода игра базируется на контрасте, который осознается получателем информации (интерпретатором). Суть этого контраста состоит в следующем: осознание того, как должно быть по регламенту / нормам жанра, вступает в противоречие с тем, как этот регламент реализуется в конкретном речевом акте. Эта рассогласованность создаёт переход в игровую, смеховую реальность, представляющую собой «антимир», сниженный функционально-стилистический регистр, который наделён признаками просторечной стихии. А ей, по утверждению В.В. Химики, свойственны «снижение, отчётливая образность и эмоциональность номинации, резкая экспрессивность, акцентированная брутальность и, часто, вульгарность» [Химик 2000: 239]. Данные характеристики, как известно, являются атрибутами массовой культуры, что, в свою очередь, влечёт за собой тиражирование, распространение подобных контекстов в том информационном пространстве (социальные сети, интернет-пабрики, сообщества и т.д.), где ведут своё существование представители культуры большинства.

Во-вторых, в лингвистическом отношении существование и осмысление подобных контекстов позволяет согласиться с тем, что язык является одновременно и семиотической, и семантической коммуникативной системой, поскольку «в интерпретацию знака включается человеческий фактор, делающий результирующий смысл в конечном счёте непредсказуемым» [Дементьев 2006: 13]. Представленные нами контексты демонстрируют рассогласованность между формой и содержанием языкового знака, при этом его смысл прирастает смеховым компонентом.

В-третьих, невозможно игнорировать тот факт, что, невзирая на отсутствие сознательного креативного посыла со стороны

говорящего, допущенная им ошибка создаёт «инобытие, позволяющее игрокам действовать в фантазийном (вымышленном) пространстве как в реальном» [Гридина 2008: 29], порождая возможности смеховой полифонии на уровне интерпретации языкового знака.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 1998.

Виданов Е. Ю., Муль И. Л. Когда ошибка больше, чем ошибка: от банального к творческому // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – Екатеринбург, 2019. – С. 32–48.

Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1996.

Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте: монография. – Екатеринбург, 2008.

Гридина Т. А., Пипко Е. И. Экспериментальное исследование вербальной креативности: словотворчество и речепорождение // Филологический класс. 2012. №3 (29). – С. 12-18.

Гридина Т. А., Талашманов С. С. Метаязыковой мем: лингвокреативные механизмы порождения и восприятия // Политическая лингвистика. 2020. №2(80). С.134-143.

Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. – М., 2006.

Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. – СПб., 2000.

©Виданов Е.Ю., 2020

©Муль И.Л., 2020

Виданов Евгений Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного. Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия).

Адрес: 644043, Россия, г. Омск, ул. Партизанская, 4 а, 205.

Е-mail: vidanovv@yandex.ru

Муль Ирина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного. Омский государственный педагогический университет.

Адрес: 644043, Россия, г. Омск, ул. Партизанская, 4 а, 205.

Е-mail: mul.alex@mail.ru

Vidanov Evgeny Yurievich – Candidate of Philology, Docent, Head of the Department of Russian as a Foreign Language. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Mul Irina Leonidovna – Candidate of Philology, Docent of the Department of Russian as a Foreign Language. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).